

С. С. Левочский^a

ORCID: 0000-0002-2705-7133
✉ levochskyss@gmail.com

Е. Ф. Левочская (Югай)^b

ORCID: 0000-0001-8612-1361
✉ leta.ugay@gmail.com

А. С. Куприянова^c

ORCID: 0000-0001-8020-8079
✉ reenacuprum@gmail.com

^a Государственный академический университет гуманитарных наук (Россия, Москва)

^b Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

^c Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)

Я/мы — Рубцов: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ПРИСВОЕНИЯ ПОЭЗИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть читательское взаимодействие с текстами и образом поэта, чей авторитет не подвергается сомнению. Модели легитимации литературного авторитета (по Б. В. Дубину) могут различаться. В частности, одна модель предполагает институционально поддерживаемое отношение к автору как к гаранту литературных и моральных норм («поэт-классик»), другая ставит во главу угла общественное признание и возможность читателей установить эмоциональную связь с текстами и образом автора («поэт-звезда»). И то и другое приводит к присвоению текстов читателями, в том числе актуализации этих текстов в момент прочтения. В статье выделяются житейская, метафизическая и топографическая тактики актуализации поэтического текста. Стихи поэта-классика функционируют как каноническое искусство (по Лотману): они не несут информации, а отсылают к набору ценностей, реалий и идиом — и требуют иного режима восприятия, чем поэтические тексты, воспринимаемые в рамках модели «автор-звезда», когда персональное понимание и проживание становится необходимым. Материалом послужили полевые наблюдения и интервью в одном из «литературных» мест («духовной родине» Николая Рубцова). Оценки творчества и личности поэта, данные читателями, а также ситуации прочтения поэтических текстов и спонтанные комментарии к ним интерпретируются через призму социологии и антропологии литературы.

Ключевые слова: практики присвоения, поэтический текст, антропология поэзии, режимы чтения, повседневные интерпретации, образ поэта, Рубцов

Благодарности. Мы выражаем глубокую благодарность нашим коллегам по экспедиции Анастасии Морозовой, Анастасии Нарциссовой и Лие Хачатуровой, а также всем нашим собеседникам.

Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культурах».

Для цитирования: Левочский С. С., Левочская (Югай) Е. Ф., Куприянова А. С. Я/мы — Рубцов: повседневные практики присвоения поэзии // Шаги/Steps. Т. 8. № 2. 2022. С. 233–253. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-233-253>.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2021 г.
Принято к печати 19 декабря 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 2. 2022
Articles

S. S. Levochskiy^a

ORCID: 0000-0002-2705-7133
✉ levochskyss@gmail.com

E. F. Levochskaia (Yugai)^b

ORCID: 0000-0001-8612-1361
✉ leta.yugay@gmail.com

A. S. Kupriianova^c

ORCID: 0000-0001-8020-8079
✉ reenacuprum@gmail.com

^a State Academic University for Humanities (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

^c Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)

I/WE — RUBTSOV: EVERYDAY PRACTICES OF APPROPRIATING POETRY

Abstract. The authors analyze the reader's interaction with the texts and the image of a poet whose authority is not questioned. The models for legitimizing literary authority (according to B. V. Dubin) may differ. One model presupposes an institutionally supported attitude towards an author as a guarantor of literary and moral norms ("poet-classic"), while the other focuses on public recognition

and the reader's ability to establish an emotional connection with the author's texts and his figure ("poet-star"). Both instances lead to the appropriation of texts by readers, including the actualization of these texts at the time of reading. The poems of a poet-classic work as canonical art (according to Iu. Lotman) — they do not carry information but refer to a set of values, realities, and idioms. They require a different mode of perception than poetic texts perceived within the framework of the author-star model when personal understanding and feeling becomes necessary. Tactics of actualization help the reader when he needs to actualize the texts of the canon (author-classic) or create a personal interpretation (author-star). The article was written on the basis of participant observations and interviews in one of the "literary" places (the "spiritual home" of Nikolai Rubtsov). Assessments of the poet's creativity and personality given by readers, as well as situations of reading poetic texts and spontaneous comments on them are interpreted through the prism of sociology and anthropology of literature.

Keywords: appropriation practices, poetic text, anthropology of poetry, reading modes, everyday interpretations, the image of a poet, Rubtsov

Acknowledgements. We express our sincere gratitude to our colleagues Anastasia Morozova, Anastasia Narcissova and Lia Khachaturova, as well as to all our respondents.

The article was written under the support of a grant from RFBR, project no. 20-09-00318a, "The strategies of generation and tactics of reception of the poetic text in rural and urban cultures".

To cite this article: Levochskiy, S. S., Levochskaia (Yugai), E. F., & Kupriianova, A. S. (2022). I/we — Rubtsov: Everyday practices of appropriating poetry. *Shagi / Steps*, 8(2), 233–253. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-2-233-253>.

Received September 13, 2021

Accepted December 19, 2021

Присвоение классика: поэт и его читательское поле

Понимание поэзии и любовь к ней — дело частное, однако иногда возникают ситуации, когда читатели вынуждены выстраивать свои отношения с тем или иным поэтом и его творчеством. Это касается поэтов, признанных классиками на государственном или локальном уровне. В концентрированном виде такая необходимость явлена в «литературных местах», т. е. населенных пунктах, где поэт и его стихи выступают элементом брендинга и формирования локальной идентичности. Для выстраивания отношений с поэтом и его творчеством задействуются разные механизмы присвоения поэзии в зависимости от типологических фигур писательского авторитета, обозначенных Борисом Дубиным [2011] как «классик» и «звезда». Автори-

тет поэта-классика устанавливается через официальные институты (школы, музеи, государственные СМИ), в то время как образ поэта-звезды формируется посредством повседневных читательских практик. На материале полевых наблюдений мы постараемся показать, как формируется образ поэта и происходит присвоение его стихов в связанном с ним локусе. Под присвоением мы понимаем превращение читателем какой-то части социального пространства (поля литературы) в обитаемое, доступное для манипуляций с мысленными объектами и формирования эмоций по отношению к этим объектам.

Наша гипотеза состоит в том, что интерпретация поэтических текстов каждым читателем выступает как механизм присвоения и влияет, с одной стороны, на эмоциональный и лично окрашенный отклик на стихи, с другой — на распределение символической власти в читательском поле. Повседневная интерпретация, вербальная и невербальная (например, при чтении вслух), позволяет читателю взаимодействовать с поэтом и его текстами в условиях, когда он признаётся как безусловная символическая ценность и столкновение с ним неизбежно.

Поэт как задача, вызов и проблема

Поэт никогда не раскрывался перед читателем (зрителем) как явление определенное и однозначное. Даже привычная дань уважения поэту-классику, вознесенному на высокий пьедестал современниками, часто имеет неопределенный статус: поэт может признаваться как гений и мастер, как человек выдающийся, но и в биографии, и в художественном репертуаре у него полно «темных мест», отталкивающих или привлекающих неоднозначностью трактовки.

Трактовка поэтического текста осложняется неопределенностью субъекта высказывания. Концепция авторства («авторской функции») развивается вместе с историей книгопечатания (см., например: [Шартье 2006]). В XX в. она подвергается отрицанию и пересборке, но в читательской повседневности неспециалистов образ поэта-автора продолжает оставаться значимым. Даже если мы отделяем авторское высказывание от поэтического текста самого по себе, существующего по своим законам, проблема, «что хотел сказать автор», остается актуальной, особенно если автор является признанным классиком, поскольку через его текст начинают высказываться другие инстанции. До появления в XX в. техник массовой коммуникации только государство могло обеспечить поэтическому тексту статус «классического образца»: «Роль национального государства, государства национальной культуры состоит, прежде всего, в присвоении и функциональном осмыслении классики» [Дубин 2011: 325]. Именно государство становится первым субъектом присвоения текстов поэта-классика, обеспечивая его престиж и необходимость прочтения, но такая легитимация поэта устанавливает и определенные принципы трактовки его стихов.

В качестве общепризнанного образца поэт-классик открывает новую проблему: каждый, от школьника до государственного деятеля, поставлен в необходимость «присвоить поэта», выработать позицию по отношению к текстам и личности выдающегося автора, сколь бы формальной или неосознанной

ни была эта позиция. Поскольку перед нами образец эпохи (жанра, стиля), мы лишены возможности его проигнорировать, в частности, проигнорировать наиболее непонятные из его стихов.

Но постепенно статус поэта-классика начинает скрывать от нас его поэзию, оставляя только клишированные трактовки, которые при этом широко тиражируются. Поэт-классик превращается в автора, которого знают все и не знает никто. Эта «общеизвестность» ведет к тому, что отрывки из классических произведений отсылают не к целостному смыслу конкретного стихотворения, а к определенным образцам Дружбы, любви к Родине, Природе или Женщине, к определенным образцам поведения или чувствования. Можно утверждать, что подобные «образцы» формируют не только предмет, но и способ эмоционального переживания. Поэт-классик, следовательно, «показывает» не только что, но и как нужно чувствовать. Подобные публичные образцы А. Л. Зорин назвал «эмоциональными матрицами»: «Набор таких матриц вместе с регламентами их социальной, возрастной и гендерной дистрибуции предлагает культура» [Зорин 2016: 30].

В статье «Каноническое искусство как информационный парадокс» Ю. М. Лотман пишет о двух разных типах сообщения (текста), которые, как представляется, возможно сопоставить с разными моделями присвоения автора — в зависимости от типологических фигур писателя — с предписывающей стратегией «автор-классик» и присваивающей тактикой «автор-звезда». Так, статус канона, на который следует ориентироваться, сближает текст автора-классика с фольклорным текстом или текстами канонического искусства: «...тип искусства ориентирован на канонические системы (“ритуализованное искусство”, “искусство эстетики тождества”))» [Лотман 2002: 314]. Согласно мысли Лотмана, текст такого типа имеет цель не передать содержание определенного сообщения, но играет роль мнемонической (припоминания) функции: «Он должен напомнить о том, что вспоминающий знает и без него. Извлечь сообщение из текста в этом случае невозможно» [Там же]. Тексты поэта-классика, таким образом, не сообщают что-либо новое о мире своему читателю, но устанавливают порядок мира. Стихи поэта-классика становятся каноническим искусством.

Примером такого рода присвоения будет практика формального чтения стихов поэта-классика наизусть. Так, школьник может подготовить выразительное чтение стихов к конкурсу или к празднику, указать на особое значение текста для данных места и времени, осветить «канонизированные» фрагменты биографии автора. Чтение стихов ритуализовано. При этом чтец не обязательно соотносит текст с собой, а в некоторых случаях и не может соотносить. Существенной оказывается не сама поэзия, а то, на что она указывает (любовь к Родине, Природе, Женщине).

Иным способом присвоения текста выдающего поэта является модель поэта-звезды: «Значимой составляющей в образе звезды нередко становится, среди прочего, поведение на грани или за гранью общественных приличий, скандальная откровенность в интимных вопросах, опубличивание скрытного, запретного, и т. п., также важной чертой поэтики становится эстетический шок (демонстративный разрыв коммуникации), эстетика безобразного...» [Дубин 2011: 327]. Если нормативный смысл текста автора-классика санкционирован

и присвоен институтами (в первую очередь государственной системой образования), то способ трактовки текста автора-звезды поддерживается массовой культурой (законами популярности на читательском рынке).

В отличие от предписывающей стратегии «автор-классик», читатель соотносит содержание поэтического текста со своей личностью, с представлением о себе (автор как альтер-эго читателя) или прямо отождествляет себя с автором (лирическим героем). Пользуясь терминологией М. де Серто, можно сказать, что авторитет поэта-классика формируется стратегиями институций, а образ поэта-звезды возникает как результат читательских тактик.

Характерно, что здесь работает противоположный тип кодировки сообщения поэтического текста, который ориентирован не на установление и поддержание канона, но именно на его нарушение («внеканоническое искусство», по Лотману). В статусе автора-звезды поэт приобретает ярко выраженные черты «романтического героя», поскольку данная модель присвоения поэтического текста и появляется в эпоху романтизма, для которой характерны зарождение массовой культуры, тиражирование и присвоение образа поэта.

Модели автора-классика и автора-звезды, следовательно, указывают на разные (противоположные) типы присвоения поэтического текста, которые, как ни странно, вполне сочетаются в трактовке текстов одного автора, что в конечном итоге является признаком культа поэта. К этому вполне подходит случай поэта Николая Рубцова. Следует заметить, что Дубин в упомянутой статье воспроизводит четыре типологические фигуры легитимации автора («классик», «звезда», «модное имя», «культовая фигура»), но в случае Рубцова уместно говорить только о двух первых, на что указывают представленные ниже данные интервью с жителями Вологодской области.

Гении на местах: материал исследования

Если разбирать поэзию, то поэзия тоже в зависимости от авторов делится на несколько уровней. На мой взгляд. Ну, как минимум, на семь... Первый уровень — «тильки для сэбэ». Для себя или для друзей. Второй уровень для более широкого круга, для, скажем так, населенного пункта... третий уровень — район, газета. Четвертый — областной. Пятый — российский. Шестой... классика российская... а мировой или мировая сокровищница — это уже, считаем, седьмой уровень... Кто себя где чувствует, кто себя как позиционирует... [Инф. 8], —

делится поэт, проживающий в районном центре.

Мне просто кажется, что если таким образом систематизировать... Вот как бы региональных по месту жительства авторов, ты отсекаешь сам от мировой литературы <...> весь мир — «вологодская школа», если человек готов учиться у этого мира <...> Это скорее дело критиков, конструирующих понятие «вологодская школа» [Инф. 12], —

считает преподавательница из областного центра, задействованная в проектах по изучению региональной литературы.

Мы не будем пытаться выяснить, существует или нет деление на национальных и локальных классиков с точки зрения эстетики. В любом случае, у известных на всю страну авторов есть региональные «представительства», в которых они, вне зависимости от величины, становятся главными авторами (как солнце среди звезд). Правда, чтобы стать таким «гением места», как называют автора сами жители, используя омонимию слова *гений*, нужно все-таки быть узнаваемым на государственном уровне.

Основным методом сбора материала для нашего исследования стали глубинные полуструктурированные интервью, а также данные включенного наблюдения. Полевые материалы были собраны в экспедиции в Вологодскую область, проходившей с 28 июля по 19 августа 2021 г. в рамках проекта РФФИ «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в городской и традиционной культурах» (№ 20-09-00318а). Всего мы записали около 70 интервью на темы, связанные с восприятием поэзии.

Нашими собеседниками стали люди разного возраста. Некоторые из них профессионально связаны с наследием Николая Рубцова (к примеру, музейные работники), других же можно охарактеризовать как читателей. Большая их часть родилась в этих местах, но некоторые жили или живут постоянно в других регионах, что, безусловно, влияет на восприятие и читательскую стратегию.

Интервью записывались в следующих местах: с. Никольское Тотемского района, деревня в окрестностях Никольского, взятый для сравнения поселок того же района, но не имеющий литературной истории, районный и областной центры (Тотьма и Вологда). Выбор для исследования такой освященной образом одного поэта территории связан с предположением, что отношение читателей к «гению места» репрезентирует ключевые типы читательских стратегий и тактики поэзии данного автора, а немногочисленность жителей и акторов литературного поля делает сильной задачу охватить репрезентативную выборку. При этом у других «литературных мест», связанных с другими поэтами, есть свои особенности.

Признание Николая Рубцова в качестве классика происходит буквально через два года после его гибели в 1971 г. В «рубцовский миф» входят предсказания поэтом в стихах как своей смерти («Я умру в крещенские морозы...»), так и своей канонизации («Моё слово верное прозвенит! Буду я, наверное, знаменит! Мне поставят памятник на селе!»). Первый школьный музей в Тотьме был открыт уже в 1973 г. [Вересов б. д.]. В 1975 г. имя Рубцова получила улица в Вологде. Первый памятник поэту появляется в 1985 г. (Тотьма), второй — в 1998 г. (Вологда).

В 1987 г. в журнале «The Slavonic and East European Review» выходит статья о творчестве Рубцова, где приводятся его стихи, факты биографии и некоторые оценки. Автор статьи как будто извиняется за простоту текстов поэта и подчеркивает их песенность (и популярность в качестве песен): «Сущность его поэзии, коротко говоря, в песенной прямоте его лиризма. Он пел свои стихи и во многих случаях сочинял их для голоса» [Freeborn 1987: 350]. При этом отмечают важность Рубцова для советского читателя и его роль в современной советской литературе.

В 1993 г. выходит номер «Роман-газеты», публикуются повесть Н. М. Коняева «Путник на краю поля», содержащая материалы о Рубцове, подборка его стихотворений и небольшая библиография поэта [Коняев 1993; Рубцов 1993]. Стихи Николая Рубцова входят в методические материалы по литературе для 11-го класса [Бондаренко 1998: 99] и в Федеральный компонент государственного стандарта общего образования [Приложение 2004: 12].

Связь Рубцова с родным краем, селом Никольским Вологодской области является важным фактором канонизации поэта. В канон (тексты, наиболее часто рекомендуемые школьникам для участия в конкурсах чтецов, а также выбираемые бардами и актерами для публичного исполнения) входят его стихи «Родная деревня», «Я уеду из этой деревни...», «Тихая моя Родина», «Видения на холме» и т. д. В англоязычной статье о Рубцове содержатся основные положения «рубцовского мифа», в том числе говорится об особой значимости Никольского (Никола¹), «не только патриотически, но и по сути страстно, эмоционально связано», о постоянных возвращениях поэта в село [Freeborn 1987: 351–353].

Никольское является своеобразным «местом паломничества», центром притяжения всех поклонников Рубцова. С 1996 г. здесь действует Дом-музей Николая Рубцова, открытый в здании бывшего детдома, воспитанником которого был поэт. С начала 2000-х в Никольском проводятся «Рубцовские костры», регулярно проходят Рубцовские чтения, фестиваль «Рубцовская осень». Для школьников Дом-музей Рубцова в Никольском организует конкурсы, квесты, в частности, квест «Дорогами Николая Рубцова» [Инф. 1]. Местные жители, «эксперты», сотрудники музея используют своеобразные топонимы: *холм Рубцова, плес Рубцова, горница Рубцова* и т. д.

Мы вас научим классика читать: конструирование образа поэта

В методических материалах и пособиях для школьных учителей воспроизводится канонический способ присвоения поэтического текста Рубцова. Возьмем, к примеру, рекомендации, опубликованные в журнале «Литература в школе» относительно одного из наиболее известных и глубоких стихотворений Н. М. Рубцова — «Звезда полей» (1964). В публикации приводится анализ стихотворения:

Родные поля и звездочка над ними. Они вместе вошли в память поэта и остались в ней неразрывны. В минуты потрясений они возникают в его памяти, уменьшают его тревогу. И поэт верит, надеется, хочет надеяться, что звезда его полей светит не только ему, касается своим приветливым лучом не только его, что горит она для всех тревожных жителей земли [Жителева, Жителев 2013: 38].

Методом выделения смысла стихотворения выступает парафраз с сохранением неизменными ключевых слов и словосочетаний. В таком виде смысл предельно прост и ясен. Поэт-классик воспевает родную природу, в которой

¹ *Никола* — местное название села, которое Рубцов также использовал в своих стихах.

для него отражается образ родины, как звезда отражается в полынье. Школьнику дан четкий пример разбора стихотворения, действительно весьма полезный для запоминания и воспроизведения текста, но не являющийся интерпретацией. Существенную роль здесь играют природа, место рождения поэта, его «северная» биография, но только не его поэтика. Толкование поэзии как специальной области культуры остается без внимания, поэзия оказывается ценна не сама по себе, а поскольку указывает на что-то, как об этом говорилось выше. При этом стоит отметить, что детей в самом деле учат таким образом работать со стихами, превращая тексты из чего-то непонятного и странного в понятное и простое. Следовательно, понимание в рамках данной стратегии присвоения поэтического текста (автор-классик) основано на соблюдении определенных правил. Одно из них — достраивание мотивов написания текста и внутреннего мира поэта.

Оговоримся, что и методические материалы в отношении канонизированных текстов других авторов имеют подобную установку, а также что на практике учителя могут использовать и другие пути приближения читателя к поэзии, речь идет о том, что подобный способ интерпретации выступает как программный.

Однако вместе с признанием Николая Рубцова автором-классиком среди читателей распространена совокупность представлений, отсылающая к модели присвоения поэтического текста, опирающейся на иную типологическую фигуру поэта, согласно концепции Дубина — автор-звезда. Существенным здесь становится прочтение поэтического текста сквозь призму «Я» читателя. Это признание иного рода, акцентирующее маргинальные черты автора (эпатажное поведение, алкогольная зависимость, бытовая неустроенность, несчастная любовь), но при этом связывающее жизнь поэта с жизнью читателя.

Так, одна из наших собеседниц в трактовке стихотворения Рубцова «Жалоба алкоголика» усматривает своеобразную «провокацию», направленную к высшим силам, которую может позволить себе поэт, но не «простой мужик»:

«А замети меня, метель-метелица, замети меня», — это же нельзя делать. Вот по русскому-то обычаю мужик не будет этого делать. Вот деревенский муж, он знает силу слова. Вот нам почему с тобой люди не говорили там это, они знают, они боятся лишнее слово сказать, тем более такого характера о будущем. Это же заговор какой-то, понимаете. Это магия. Поэтому нельзя это делать-то, а он, видите, он это делает [Инф. 2].

Воспроизводится распространенная модель биографии: поэт ведет деструктивный образ жизни, бросает вызов как высшим силам природы (Богу), так и обществу (ушел от жены, бросил ребенка), но по-другому жить не может, потому что иначе не раскроется его талант.

...для того чтобы написать хорошие стихи, нужно потом обязательно выпить. И поэтому, конечно, в этой связи я стараюсь от этого абстрагироваться, дистанцироваться. Не получается, потому что мы пишем постоянно про это. Да, вот сейчас книгу написали, которая должна выйти в декабре месяце, к рубцовским дням «Рубцов на Тотемской земле». Ведь это не обойти никак... [Инф. 3].

И в романтическом образе поэта-звезды, и в роли поэта-классика присутствует идеализация. Работник сферы культуры акцентирует негативные коннотации слова *культ* (скорее по отношению к схеме «поэт-классик», но в целом — относительно идеализации как таковой):

У них (поклонников Рубцова. — С. Л., Е. Л., А. К.) следующий этап увлечения — это культ. Они даже отрицают, что там он чуть ли не святой и выпивать не может. Я считаю, что проще надо относиться, и в этом ценность, потому что он тоже человек, а не какой-то небожитель. Но вот он... может так показать, например, как вот другой не может показать. Это самая главная функция. Но он тоже должен... но при этом он человек, и это близит его с нами, что называется. А когда его возводят в какой-то культ, ранг, это уже значит, что... Мы как будто не в этом мире живем и не готовы принимать [Инф. 4].

В мире людей, к которым отсылает наш собеседник, нечеловеческая природа автора повышает статус написанного им (и канонизация стихов бросает ответ и на биографические нарративы). В его собственной интерпретации то, что тексты написаны обычным человеком из нашего мира, только повышает их значимость, делает их ближе.

Жизненный опыт, горный мир и та самая горница Типы актуализации стихотворений

Кроме моделей присвоения автора («автор-классик» и «автор-звезда») можно выделить несколько типов интерпретаций поэтического текста (тактик присвоения), которые могут работать для каждой из указанных моделей. Обе модели присвоения предполагают актуализацию — повышение релевантности текста для настоящего момента. В одном случае потому, что мы имеем дело с текстами-нормами, в другом — с текстами образцового человека. Актуализация, таким образом, — инструмент присвоения. На материале экспедиции удалось выявить такие типы актуализации стихов, как «житейская», «метафизическая» и «топографическая».

Поле смыслов, образуемое в топосе, официально связанном с поэтом, кажется единым, но внутри него возможны разные тактики присвоения. Рассматриваемый топос представляет собой читательский мир в миниатюре, когда разные тактики концентрируются на небольшом пространстве и вокруг ограниченного числа событий и при этом находятся в постоянном взаимодействии.

Акторы этого поля волей или неволей возвращаются к поэтическим строкам, и это открывает возможности для многократного переопределения смыслов:

Между прочим, Рубцова можно открывать бесконечно. Какое-то стихотворение, раньше можно было пройти мимо, может, с возрастом ты возвращаешься к нему, уже что-то находишь, какой-то отклик [Инф. 1].

Многие наши собеседники подчеркивали необходимость жизненного опыта для полного понимания текстов. Предполагается, что наличие в жизни читателя события, доступного для переживания в стихотворении, дает ключ для примерки текста на себя.

Одна из наших собеседниц во время интервью неоднократно упоминала о своем сложном душевном состоянии в прошлом. И именно этот опыт сблизил ее с творчеством К. Н. Батюшкова (тоже «гением места» для Вологодчины), также имевшего ментальные расстройства:

Соб.: А что, допустим, в биографии автора может тебя заинтересовать, чтобы ты, допустим, как-то стала относиться к нему лучше и к стихам — тоже лучше?

Инф. 5: Ну... Вот единственный момент, который я рассказывала — да, это вот типа смерть, смерть, страдания. А так — возможно, какие-то особенности тоже здоровья ментального. Кстати, у меня такой переворот произошел тоже: мне не нравился Батюшков, вот. Мне много чего не нравилось. Но на самом деле, пока я училась в универе, я вот это всё читала как-то так... неосознанно. А когда, опять же, стала преподавать, у меня всё это новой произошло, всё это переосмысление. Вот, я в биографию тоже... Опять же, вот биография, кстати, да я сначала на биографию. Я прочитала о вот этих вот его душевных болезнях и, опять же, как-то через себя, через какую-то вот эту призму пропустила и стала более так осмысленно стихи читать.

Другая девушка, уехавшая из Николы учиться, делится, что стала лучше понимать Рубцова, который тоже покидал свое село в поисках профессии:

Соб.: Расскажите, как вы себя чувствуете, когда в другом городе?

Инф. 6: Нормально, хорошо адаптируюсь. Но все равно именно такая тоска, когда уезжаешь, как отрываешь что-то. Тогда, год назад особенно, я просто взяла сборник Рубцова, открыла и плакала. Потому что в каждом стихотворении я вижу уже больше. То есть читаешь, все равно не то детское представление. Ты читаешь, вчитываешься. И понимаешь, что это как про тебя всё.

Соб.: А вы читали тогда стихи, именно написанные в Никольском?

Инф. 6: Нет, и в Архангельске. Я же говорю, что мы с ним немножко одинаковые.

Упомянутая одинаковость во многом обусловлена жизненным опытом. Такую интерпретацию можно назвать ж и т е й с к о й.

Передавая распространенную идею, Рубцов в предисловии к сборнику известной вологодской поэтессы О. А. Фокиной писал, «что плодотворный путь поэзии один: через личное — к общему, т. е. через личные, глубоко индивидуальные переживания, настроения, раздумья. Совершенно необходимо только, чтобы все это личное по природе своей было общественно масштабным, характерным» [Рубцов 1979]. Читатель выполняет обратный путь: присваивает общее и привязывает его к конкретным событиям.

Житейская интерпретация не всегда работает с автором-классиком. Примером может служить упомянутое выше ритуализированное чтение школь-

никами наизусть. К примеру, в Тотьме и с. Никольское Вологодской области регулярно проходят всероссийские Рубцовские чтения, в ходе которых проводятся публичные чтения стихов Н. М. Рубцова школьниками в рамках большого конкурса. Один из организаторов конкурса следующим образом высказался о сложной задаче члена жюри:

Например, у нас в позапрошлом году, в [20]20 году в январе, еще до пандемии, были вот эти чтения. Это вообще тоскливое чтение, когда школьники читают в Николе. Потому что приезжают из окрестных сельских школ, Великодворье, Никола, читают так себе, не знаешь, кому присудить первый приз, потому что вообще непонятно кому <...> Ну, может, мы многого хотим от детей? Все-таки, я повторюсь, что Рубцов — поэт, может, возраста 35+. Понятное дело, что взять со школьников [Инф. 3].

Показательно, что даже наличие соответствующего событийного опыта на практике не помогает более глубокому пониманию — и прочтению:

Ну, прекрасно, что? Да, вроде бы никакого философского смысла нет, да и ничего, да? Но когда начинают читать ту же «Тихую родину» или стихи, которые больше там философичны, конечно, понятное дело, что ребенок, может, даже не понимает, о чем идет речь. И, кстати, ребенок, который прочитал «Шумит Катунь», да... ну, так прочитал себе. И потом говорит, что вот, я побывал в прошлом году на Алтае, я слышал, как шумит Катунь. Блин, елки-палки! Ребенок, ты бывал на Алтае, ты слышал, как шумит Катунь. Ты должен прочитать это стихотворение по-другому [Инф. 3].

Вполне вероятно, что подобные мнения разделяют многие из членов жюри, хотя и не все их озвучивают. Возникает вопрос: почему именно школьники должны транслировать поэзию Рубцова (автора-классика), фактически ее не понимая? В чем существенная роль стихов Н. М. Рубцова в школьной программе? Очевидно, что подобные чтения имеют прежде всего функцию воспитания, интеграции как в локальную (с. Никольское, Вологда, Тотьма), так и в глобальную структуру (родина) русской культуры. При этом, подчеркнем, сама поэзия отходит на второй план. Понимание стихов не так уж важно, важны форма подачи (манера чтения) и место исполнения (родина великого поэта).

Манера чтения в школьных и околошкольных поэтических практиках играет особую роль. Учительница деревенской школы в другом регионе на вопрос, как она проверяет, понимает ли школьник декламируемое, ссылается на то, что это сразу видно по интонации [Инф. 9]. Одна из жительниц Николы, говоря о хорошем чтении школьника, вместо определения словами делает характерный жест рукой — полусогнутой и отведенной в сторону, отбивающей в воздухе ритм [Полевой дневник 2021]. Таким образом, при взаимодействии с поэтом-классиком выразительность чтения (перформативная интерпретация голосом и жестами) подменяет вербальную (содержательную).

Говоря о содержательном понимании, эксперты, оценивающие чтение школьников, соединяют идею «философской» лирики (под которой понимается текст, требующий внимательного прочтения) и идею жизненного опыта:

Ну, не совсем философские, но просто стихи, в которые заложен какой-то дополнительный смысл. Который неявно, может быть, прочитывается в таком возрасте, в каком это стихотворение пытаются прочитать. А даже бывает и в таком возрасте, даже десятиклассники, но прочесть «Прощальную песню» — это же надо обладать определенным уже, наверно, жизненным опытом. И переживания этого момента. Это же очень грустная история, с одной стороны, да? «Прощальная песня» [Инф. 3].

Разговор о «жизненном опыте», необходимом поэту, — лейтмотив семинаров поэзии в Литературном институте им. А. М. Горького в советское и раннее постсоветское время. Институциональное обучение писателя продвигало идею необходимости биографии (лучше рабочей) для создания сильных текстов [Югай, Богатырёва 2021]. Та же установка существует и в институциональном воспитании читателя.

Другой тип интерпретации — метафизическая. Есть типы поэтических высказываний, которые невозможно трактовать через жизненный опыт, например стихи Рубцова «Зеленые цветы», где есть следующие строки: «Как не найти погаснувшей звезды, / Как никогда, бродя цветущей степью, / Меж белых листьев и на белых стеблях / Мне не найти зеленые цветы...» [Рубцов. 2012: 352]. Но здесь тоже есть формулы, позволяющие быстро ответить на вопрос о смысле: «Зеленые цветы, все-таки я думаю, что это духовный поиск, вот, олицетворение его духовного поиска. “Даже здесь чего-то не найти”» [Инф. 7].

Во время экскурсии мимо так называемой *горницы Рубцова*² и у которой был поставлен мемориальный стенд, организатор неформального музея говорит, что «горница больше, чем дом, что-то высокое, связанное с горным миром. Первое название — “звездная ночь”»; «Люди спрашивают, где матушка (теща) брала воду, а колодца нет, потому что это не конкретный колодец, а что-то большее» [Полевой дневник 2021].

Директор официального музея в своей экскурсии скептически относится к абстрактным интерпретациям («...я, кстати, не люблю, когда вот разбирают, предлагают»), противопоставляя им конкретные сопоставления художественных текстов с реальными местами и людьми:

Я, может быть, приземленный человек, и в моем представлении «В горнице» — это стихотворение написано действительно про дом, в котором он здесь жил в селе Никольском. Где действительно была горница. У нас так называется комната, ее «горенка» ее называют, она, эта комната, ему действительно служила рабочим кабинетом. «В горнице моей светло, это от ночной звезды» — у него действительно окна как раз вот выходят на дорогу. И действительно мог-

² Пристройка дома, где, по преданию, поэт написал знаменитое стихотворение «В горнице» (см.: [Рубцов 2012: 267]).

ла вот светить ему, и звезды, и солнышко заглядывать. И «матушка возьмет ведро, молча принесет воды» — для меня опять же это не какая-то там абстрактная матушка, а его теща Александра Александровна Попова. Он действительно ее звал матушкой, она же <...>, когда они жили, она была... завхозом работала и поваром. И она, кстати, его как-то привечала маленького. Он действительно ее звал мамой. И будучи взрослым, он приезжал сюда, в хорошем расположении духа называл матушкой. Для меня, например, так. Так что вот я такая приземленная, вот как бы так [Инф. 1].

Рефрен о собственной приземленности показывает, что говорящая знает о возможностях метафизического толкования и сознательно выбирает иную тактику. Тактика эта заключается в привязке к месту и может быть названа топографическим комментарием.

Такой подход становится основой посреднической деятельности, когда в рамках экскурсии или мероприятия стихи комментируются через реалии:

Мы начинаем с этого. Так что я показываю девушку, которой посвящен этот букет. Так что... Таю Смирнову. Вот, говорю, пожалуйста, этой девушке посвящено было это стихотворение. <...> Я провожу экскурсии. Я же еще экскурсовод. Когда я провожу экскурсии, я рассказываю об этом. Я на экскурсии об этом рассказываю. Я показываю места, я показываю канал вырытый. Там же есть стихотворение «Тихая моя родина». «Между речными изгибами вырыли люди канал, тина теперь и болотина там, где купаться любил». Я показываю этот канал, я показываю место, где росла... «Жаль над омутом старую ель». Я показываю, где была эта ель, которую смыло; он приезжает — ее уже нет. Это было место, например, отдыха воспитанников детского дома, отдыха и купания [Инф. 2].

Подобный тип комментирования характерен для ситуаций воспроизведения этиологических и топонимических преданий, когда рассказ о происхождении локальной деревенской святыни или названия деревни сопровождается показом «того самого» камня, поворота, дерева или места, где оно росло. Знание о месте и принадлежность ему поддерживает право на интерпретацию и возможность выступать проводником.

Разные интерпретации могут быть обусловлены прагматическими соображениями: возможностью вести экскурсию, приданием большей или меньшей символической значимости отдельным точкам на карте, домам или людям. Однако может соотноситься и с отмеченными выше разными отношениями к образу поэта. Поэт-классик воспринимается как безусловно существовавший человек, чья биография завершена и канонизирована, число посещенных им мест конечно и исчислено (каждое — предмет исследования и обоснования). Так, региональная газета «Красный Север» перепечатывает находку «Тотемских вестей» о выговоре, который Рубцов получил, будучи студентом колледжа [Николай Рубцов 2011: 34]. Важен документ, подтверждающий реальный факт биографии. В отличие от этого, поэт-звезда — скорее символ, для которого возможное и бывшее в биографии автора почти тождественно,

а право на интерпретацию поэтического текста подтверждается не знанием, а способностью особым образом чувствовать.

От актуализации строк к перформативности

Биографический топос становится таковым (подтверждает свой статус такового) через привязку цитат к местам. Во время экскурсии ее ведущая говорит, что на перекатах всегда вспоминаются стихи «Мы встретились у мельничной запруды» (гостям было предложено забраться на камни, откуда они и слушали текст, которые экскурсовод прочитала, стоя на берегу).

Работница культуры отмечает:

А так, безусловно, когда я хожу по Николе, у меня строчки стихотворений Николая Рубцова появляются, безусловно. А как же без этого? Например:

Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую.

Или:

С моста идет дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит былая Русь.

⟨...⟩. Идешь по старой дороге, опять же строки. Так что достаточно часто. Если ты знаешь много стихотворений, безусловно, они у тебя либо там выплывают, вот эти строки. Однозначно [Инф. 1].

Привязка к месту может быть общей (луг, по которому мог бы проходить Рубцов) или частной (тот самый маслозавод, про который писал Рубцов), «старая дорога» вообще — и именно эта старая дорога.

Повторяемость формулировок наводит на мысль, что это не только практика, но и нарратив, хотя одно может провоцировать другое.

Использование стихотворных строк как рамки для повествования о локусе характерно для вернакулярной словесности — сценариев сельских праздников, автобиографической прозы. Последняя пишется в момент, когда человек чувствует себя носителем ценного опыта. Стихи служат для отбивки глав и иллюстраций, часто их авторство неважно, а важно совпадение ключевых слов: общих (*река, деревня*) и частных (топонимы). Показывая свою книгу, одна из наших собеседниц зачитывала стихотворные тексты своего авторства и авторства односельчанина, перемежая чтение рассказыванием историй [Инф. 10]. Это навело на мысль, что помимо эксплицитного плана истории, есть имплицитный план, понятный только односельчанам. Если слушатель не знаком с ним, допустим устный комментарий.

Такую же индексальную знаковую природу обретают и строчки классика в его топосе. То, что они становятся стихами «для всех», не исключает их локальной привязки. При этом, в случае Рубцова, его стихи присваиваются и жителями других деревень. А. А. Поспелова, рассматривая эмоциональный канон сельского праздника и его закрепление в стихотворных сценариях, во многом состоящих из наивной лирики, указывает на тему любви к малой родине и концепт памяти: «Эта тема не дает возможности обратиться за помощью с формой к лирике традиционного фольклора. (...) Творчество поэтов-деревенщиков 1960-х гг. в этой связи дает большое подспорье для современных сочинителей. Так, например, стихотворение Н. М. Рубцова “Зимняя песня” (“В этой деревне огни не погашены...”) часто исполняется на праздничных застольях. Интересно, что стихотворения С. А. Есенина, близкие по тематике (например, “Край ты мой заброшенный”) не исполняются, возможно, из-за ярко формально выраженного авторства» [Поспелова 2020: 74–75]. Присвоение реагирует на ключевые слова, общие для разных мест: *дерево, камень, ручей*. Таким образом, стихотворные строки становятся рамкой, которая определяет, как именно видится природа, они формируют пейзаж и подсказывают чувства, которые положено испытывать.

В отличие от поэта-классика, поэт-звезда не просто создает образец, пусть идеальный, но никогда не достижимый в полной мере, а непосредственно включается в повседневность. Отсюда возникает идея перформативной памяти, когда реальность подстраивается под текст:

И вот продолжение этих традиций, это было бы продолжение Рубцова на этой семье, не показушное, не книжное, не отчетное. А реальное, живое дело. Вот я вернулась для того, я сюда приехала для того, чтобы попытаться, сделать попытку вернуть этот рубцовский мир с огородами, такими вот общественными огородами. Потому что частные огороды — они есть, да, а вот общественные типа школьного, детдомовского огорода, типа этого конного двора, который объединил бы всех людей, понимаете. Когда они не каждый огородом живут, а что-то есть такое объединяющее, конный двор, вот эта вещь, которая могла бы объединить их всех, идея, конный двор. Вот эти лошади [Инф. 2].

«Рубцовский мир» мифологизируется. Мифологическое время, с одной стороны идеально, с другой — постоянно повторяемо, как ежевесеннее умирание Масленицы. Литературный туризм задействует тактики присвоения поэзии по типу «поэт-звезда», предполагает телесное воплощение поэтических строк: угощение треской в гостевом доме сопровождается зачитыванием текста со строками «трескайте треску»³ [Полевой дневник 2021], купание в реке — рассказ, что именно здесь любил купаться поэт. Экскурсовод предлагает попробовать на вкус черемуху, подчеркивая, что задействуются все органы чувств — осязание (холодная вода — теплый камень), обоняние, зрение, слух [Полевой дневник 2021]. Все эти средства должны привести к непосред-

³ См. стихотворение Рубцова 1962 г. «На берегу».

ственному эмоциональному контакту с поэтом, с одной стороны, личному, с другой — заранее заданному и обязательному. Это проявляется и в постоянных обращениях к гостям с риторическим вопросом об эмоциях, что и как сильно они чувствуют.

В отличие от простого фреймирования, где глубина чувств гостя не регулируется и остается на его усмотрение, здесь чувство становится обязательным. Способность чувствовать (видеть душевным зрением) в рассказе подтверждается чуткостью к знакам. Рассказывая о давней экскурсии в Никольское, вологжанка делится, что увидела ангела в облаках, а по селу их провожал черный пес, как будто дух самого Рубцова [Инф. 11].

Подобным образом в рассказах о посещении могил дотраиваются свидетельства присутствия духов умерших (изменение погоды, необычные животные, птица, прилетевшая на могилу), а в рассказах о святых местах — добрые знаки. Их роль — подтвердить, что происходит коммуникация с тем светом, что приношения не остаются без ответа (см. подробнее: [Югай 2019]).

Поэт-классик — объект изучения и матрица для подражания, поэт-звезда — потусторонний близкий, который может, например, являться во снах:

Мне однажды приснился Рубцов так ясно, и как-то вот мы с ним разговаривали о чем-то, и мне все хотелось как бы о нем позаботиться, вот. Чтобы как-то создать для него такие человеческие условия, ну, только я, конечно, не знала, как это сделать. Потому что я ж понимала, как-то во сне даже я понимала, что как будто меня нет в его жизни. И в то же время мне хочется его как-то что-то для него сделать [Инф. 7].

К такому поэту применимы модели чувствования, которые рассчитаны на знакомых и соседей:

Вот, ну а в отношении Дербиной⁴ <...> Я вот психологически я думаю, что вполне могло быть и так действительно, что вот они были вдвоем, вот, и был такой момент, когда он сказал: «Люда, пойдём спать». Тут бы вот ей этого подвыпившего бы мужичка бы уложить бы в постельку, понятно, да вот? И вот деревенская женщина, она бы так и сделала, да вот? Вот уложить его, он утром проснется, и все будет хорошо. А она на рожон пошла: не, вот я не буду. Вот то есть она, она действительно виновата в том, что вот она по-деревенски не уложила его в тот момент, когда он готов был, готов был усмириться [Инф. 2].

Частным проявлением такого присвоения служит название поэта по имени: *Коля* часто заменяет конвенциональное *Николай*, и не в силу личного знакомства с автором, а потому, что поэт принадлежит всем.

Одной из тактик присвоения становится постановка себя на место автора:

⁴ Людмила Дербина, 1938 г. р., — вологодская поэтесса, гражданская жена Николая Рубцова, обвиненная в убийстве поэта.

Инф. 6: Представляю себя иногда ей, Рубцовым. Допустим, вдруг я в прошлой жизни была Рубцовым? Вдруг я в прошлой жизни была Маяковским?

Соб.: А что именно представляете?

Инф. 6: Насчет Маяковского?

Соб.: Ну, насчет Маяковского, может быть, насчет Рубцова.

Инф. 6: Все. Мне кажется, с детства как-то пытаюсь. Я опять же пытаюсь понять, оправдать опять же. Рубцов — тут уже ближе, конечно, его представить, несложно, как мне кажется. Мне кажется, что любой никольчанин — он чуточку Рубцов. Потому что понимаешь запросто, мне кажется. Вот в Маяковском надо покопаться. Интересный человек.

Для поэта-звезды задается не сколько форма, столько вкладываемые в нее смыслы, спектр интерпретаций и эмоций.

Заключение

Рубцов в Никольском — наглядный пример писателя, авторитет которого легитимируется через две модели: «классик» и «звезда». Вероятно, так происходит потому, что, будучи талантливым, но далеким от требующих специальной читательской подготовки эстетических поисков, он удобен и для вчитывания своих смыслов, и для наделения его статусом носителя норм. Таким образом, Рубцов для жителей Вологодской области становится одним из главных, если не главным автором своего времени.

Это приводит к тому, что читатели, живущие рядом с «литературным местом», как далекие от литературы, так и связанные с ней в своей повседневности, должны формулировать для себя отношение к поэзии или к образу самого поэта.

Проанализировав оценки, данные в интервью, и спонтанные комментарии к прочтению стихов, мы выделили разные тактики и стратегии актуализации поэтического текста: житейскую, метафизическую и топографическую. В рамках двух моделей легитимации автора различаются способы присвоения поэтического текста.

В первой модели — «автор-классик» — первичен образец, данный автором (и канонической интерпретацией его текстов), во второй — модели «звезды» — первичны эмоциональный и биографический опыт, а также личность читателя, которые интерпретируются через поэтические тексты или биографические нарративы.

Конечно, модели поэта-классика и поэта-звезды в современном читательском мире пересекаются друг с другом и не существуют в чистом виде. Один читатель может использовать разные модели легитимации литературного авторитета и делать это посредством разных тактик присвоения в зависимости от контекста — будь то официальная экскурсия, урок, дружеский разговор или чтение самому себе. Но в то же время возможна большая склонность к одной из моделей и собственный набор работающих тактик.

В некоторых случаях тактики актуализации приводят к перформативному восприятию поэзии, и в том, как по-разному это работает, сказывается разни-

ца моделей легитимации авторитета. Так, если речь идет о наследии писателя-классика, перформативность выливается в ритуализацию ситуаций прочтения вслух и комментирования, когда на первый план выходит следование устоявшейся форме (набор жестов и интонаций, якобы свидетельствующих о понимании). Если речь идет о модели автора-звезды, то уместно использовать слово *воплощение* — претворение смыслов в предметы и события окружающей жизни, когда собственная жизнь (биографические повороты, выборы и эмоциональные проживания) накладывается на жизнь поэта, а образам из его стихов ищутся соответствия в современном быте и жизни села.

Полевые материалы

- Инф. 1 — Жен., около 50 лет, сотрудник госучреждения, с. Никольское Тотемского р-на Вологодской обл.
- Инф. 2 — Жен., около 60 лет, работник культуры, с. Никольское Тотемского р-на Вологодской обл.
- Инф. 3 — Муж., около 30 лет, работник культуры, Тотьма.
- Инф. 4 — Муж., около 30 лет, работник культуры, Тотьма.
- Инф. 5 — Жен., около 20 лет, учительница, Тотьма.
- Инф. 6 — Жен., около 20 лет, студентка, с. Никольское Тотемского р-на Вологодской обл.
- Инф. 7 — Жен., около 60 лет, представительница Рубцовского центра в Санкт-Петербурге.
- Инф. 8 — Муж., около 50 лет, поэт, Тотьма.
- Инф. 9 — Жен., около 50 лет, учительница, с. Большие Посёлки Карсунского р-на Ульяновской обл.
- Инф. 10 — Жен., около 60 лет, руководитель клуба, Ульяновск.
- Инф. 11 — Жен., около 50 лет, работник культуры, Вологда.
- Инф. 12 — Жен., около 50 лет, преподаватель вуза, Вологда.

Источники

- Вересов б. д. — *Вересов Л.* Памятник Н. М. Рубцову в Тотьме // «Душа хранит»: Жизнь и поэзия Николая Рубцова. [Б. д.]. URL: https://rubtsov-poetry.ru/research_2/margarita_shananina.htm.
- Приложение 2004 — Приказ [Министерства образования РФ от 5 марта 2004 г. № 1089]. Об утверждении федерального компонента государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования: Приложение: Федеральный компонент государственного стандарта общего образования // Российское образование: Федеральный портал. URL: <http://www.edu.ru/documents/view/61154/>
- Коняев 1993 — *Коняев Н.* Путник на краю поля: Повесть // Роман-газета. 1993. № 19–20. С. 46–96.
- Николай Рубцов 2011 — Николай Рубцов на оконном карнизе: [Ред. ст.] // Красный Север: [Газ.; Вологда]. 2011. 5 мая. С. 34.
- Полевой дневник 2021 — *Югай Е. Ф., Левочкий С. С., Куприянова А. С., Нарциссова А. Я., Морозова А. М., Хачатурова Л. Д.* Коллективный полевой дневник экспедиции в Вологодскую область. 2021 г. Рукопись.
- Рубцов 1979 — *Рубцов Н. М.* Подснежники Ольги Фокиной // Фокина О. Буду стеблем. М.: Мол. гвардия, 1979. С. 3–4.

Рубцов 1993 — Рубцов Н. Стихотворения // Роман-газета. 1993. № 19–20. С. 98–107.

Рубцов 2012 — Рубцов Н. М. Стихотворения. М.: Эксмо, 2012.

Литература

Бондаренко 1998 — Бондаренко М. А. Поэзия Николая Рубцова в школе: уроки по творчеству Николая Рубцова в старших классах // Литература в школе. 1998. № 8. С. 99–104.

Дубин 2011 — Дубин Б. В. Классик — звезда — модное имя — культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель / Сост. и отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.

Жителева, Жителев 2013 — Жителева Ж. И., Жителев В. И. Чтение стихотворения Н. М. Рубцова «Звезда полей» // Литература в школе. 2013. № 2. С. 37–39.

Зорин 2016 — Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.

Лотман 2002 — Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 314–321.

Поспелова 2020 — Поспелова А. А. Эмоциональный канон праздника постсоветской деревни // Антропологический поворот в фольклористике: Материалы XX Междунар. школы по фольклористике и культурной антропологии / Сост. Н. С. Петрова, О. Б. Христофорова, М. С. Суханова. М.: РГГУ, 2020. С. 70–76.

Шартье 2006 — Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М.: Нов. изд-во, 2006.

Югай, Богатырёва 2021 — Югай Е. Ф., Богатырёва И. С. «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 239–275.

Югай 2019 — Югай Е. Ф. Челобитная на тот свет: Вологодские причитания в XX веке. М.: Индрик, 2019.

Freeborn 1987 — Freeborn R. Nikolay Rubtsov: His life and lyricism // Slavonic and East European Review. Vol. 65. No. 3. 1987. P. 350–370.

References

Bondarenko, M. A. (1998). Poeziia Nikolaia Rubtsova v shkole: uroki po tvorchestvu Nikolaia Rubtsova v starshikh klassakh [The poetry of Nikolai Rubtsov in school: lessons on the art of Nikolai Rubtsov in high school]. *Literatura v shkole*, 1998(8), 99–104. (In Russian).

Dubin, B. V. (2011). Klassik — zvezda — modnoe imia — kul'tovaia figura: O strategiiakh legitimatsii kul'turnogo avtoriteta [Classic — star — trendy name — cult figure: About strategies to legitimize cultural authority]. In M. F. Nad'iarnykh, & A. P. Urakova (Eds.). *Kul't kak fenomen literaturnogo protsesssa: avtor, tekst, chitatel'* (pp. 324–330). IMLI RAN. (In Russian).

Chartier, R. (1996). *Culture écrite et société: L'ordre des livres (XIV—XVIIIe siècle)*. Albin Michel. (In French).

Freeborn, R. (1987). Nikolay Rubtsov: His life and lyricism. *Slavonic and East European Review*, 65(3), 350–370.

Lotman, Iu. M. (2002). Kanonicheskoe iskusstvo kak informatsionnyi paradoks [Canonical art as an information paradox]. In Iu. M. Lotman. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* (pp. 314–321). Akademicheskii proekt. (In Russian).

Pospelova, A. A. (2020). Emotsional'nyi kanon prazdnika postsovetsoi derevni [Emotional canon of the holiday in the post-Soviet village]. In N. S. Petrova, O. B. Kristoforova, &

- M. S. Sukhanova (Eds.). *Antropologicheskii povorot v fol'kloristike. Materialy XX Mezhdunarodnoy shkoly po fol'kloristike i kul'turnoi antropologii* (pp. 70–76). Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. (In Russian).
- Yugai, E. F. (2019). *Chelobitnaia na tot svet: Vologodskie prichitaniiia v XX veke* [Complaints to the other world: Lamentations in Vologda region in the 20th century]. Indrik. (In Russian).
- Yugai, E. F., & Bogatyreva, I. S. (2021). “Mudrets v poezii i durynda v zhizni”: samoprezentatsiia sovremennogo poeta v povsednevnosti [“A sage in poetry, a fool in life”: Self-representation of the contemporary poet in everyday life]. *Shagi/Steps*, 7(1), 239–275. (In Russian).
- Zhiteleva, Zh. I., & Zhitelev, V. I. (2013). Chtenie stikhotvoreniia N. M. Rubtsova “Zvezda polei” [The reading of N. M. Rubtsov’s poem “The star of fields”]. *Literatura v shkole*, 2013(2), 37–39. (In Russian).
- Zorin, A. L. (2016). *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [The rise of a hero: From the history of Russian emotional culture, late 18th century and early 19th century]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Сергей Сергеевич Левочский

кандидат философских наук
доцент, кафедра истории
философии, философский факультет,
Государственный академический
университет гуманитарных наук
Россия, 119049, Москва, Мароновский
пер., д. 26
Тел.: +7 (499) 238-04-12
✉ levochskys@gmail.com

Sergey S. Levochskiy

Cand. Sci. (Philosophy)
Associate Professor, Department
of the History of Philosophy, Faculty
of Philosophy, State Academic University
for Humanities
Russia, 119049, Moscow, Maronovsky
Pereulok, 26
Tel.: +7 (499) 238-04-12
✉ levochskys@gmail.com

Елена Фёдоровна Левочская (Югай)

кандидат филологических наук
доцент, факультет Liberal Arts,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ leta.ugay@gmail.com

Elena F. Levochskaia (Yugai)

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Liberal Arts College,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ leta.ugay@gmail.com

Арина Сергеевна Куприянова

студентка, Учебно-научный центр
социальной антропологии, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125267, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: +7 (499) 973-40-94
✉ reenacuprum@gmail.com

Arina S. Kupriianova

Student, Educational and Scientific Center
for Social Anthropology, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125267, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-40-94
✉ reenacuprum@gmail.com